

Воспоминанія жизни О. Г. Фернера¹⁾.

профессоръ Эйхвальдъ я уже упоминалъ выше по поводу дѣла о Клиническомъ Институтѣ Вел. Кн. Елены Павловны. Я посѣтилъ его незадолго передъ его смертью и бесѣдовалъ съ нимъ довольно продолжительное время, онъ относился къ своему положенію, которое онъ хорошо сознавалъ, съ большою твердостью и спокойствіемъ духа. Это былъ человѣкъ съ удивительною силою характера.

О. О. Треповъ, который ко мнѣ всегда былъ очень расположенъ, скончался въ деревнѣ, такъ что я его передъ смертью не видалъ.

Въ этомъ же году внезапно умеръ у насъ на дачѣ нашъ кучеръ Василій; смерть какъ бы касалась личностей всѣхъ сферъ, приходившихъ со мною въ сношенія.

Утромъ онъ меня еще свезъ на парголовскую станцію. Вернувшись изъ города къ обѣду, я былъ удивленъ, не заставъ на станціи моего экипажа, такъ какъ Василій пріѣзжалъ всегда аккуратно въ-время за мною. Пріѣхавъ домой, я узналъ, что онъ заболѣлъ и лежитъ въ сараѣ на своей кровати, я немедленно зашелъ къ нему, онъ жаловался на сильное недомоганіе, но не могъ объяснить своего недуга. Я послалъ за земскимъ докторомъ Сочава, очень хорошимъ

¹⁾ См. „Русская Старина“ февраль 1911 г.

медикомъ. Онъ пріѣхалъ подь вечеръ, нашель болѣзнь кучера очень серьезно, прописалъ ему лекарство, но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовалъ отправить его на другой день въ больницу. Какое же было мое удивленіе, когда мнѣ утромъ пришли сказать, что Василій ночью скончался. Василій былъ очень порядочный человѣкъ, и я искренно сожалѣлъ о немъ. Такъ какъ онъ умеръ у насъ на дачѣ, то пришлось дѣлать рядъ распоряженій, извѣстить его жену, сообщить полиціи, устраивать панихиду и потомъ погребеніе его. Его похоронили на парголовскомъ кладбищѣ, и я впоследствии нѣсколько разъ посѣщалъ его могилу.

Наконецъ остается еще упомянуть объ одномъ смертномъ случаѣ личности, которая ни въ какихъ отношеніяхъ никогда ко мнѣ не находилась, но кончина которой, по сопровождавшимъ ее поразительнымъ обстоятельствамъ, вызвала во всей Европѣ живѣйшій интересъ, я говорю о смерти эрцгерцога Рудольфа, наслѣдника Австрійскаго престола.

Его нашли мертвымъ вмѣстѣ съ его любовницей, дѣвицей графиней Вечера, — въ загородной виллѣ, которую онъ нанималъ для устройства въ ней свиданій съ графинею Вечера. Онъ и она, убитые огнестрѣльнымъ оружіемъ, лежали вмѣстѣ на кровати, осыпанные цвѣтами. Было ли это самоубійство или взаимное убійство — никогда не могло быть разъяснено, по крайней мѣрѣ объ этомъ никакихъ свѣдѣній не проникло въ публику. Подобная кончина наслѣдника престола — фактъ никогда до того не бывшій въ исторіи. Разумѣется, это печальное происшествіе вызвало самые разнообразные толки; ходилъ между прочимъ слухъ, что, не имѣя возможности сочетаться бракомъ съ возлюбленной, Рудольфъ рѣшился покончить вмѣстѣ съ нею жизнь самоубійствомъ. Затѣмъ ходилъ другой слухъ, что дѣвица Вечера, озлобленная отказомъ эрцгерцога развестись со своей женой и жениться на ней, во время его сна совершила надъ нимъ ту же операцію, которую отецъ Елоизы совершилъ надъ Абеяромъ, и что эрцгерцогъ, проснувшись, пришелъ въ отчаяніе отъ такого звѣрскаго насилія и въ изступленіи застрѣлилъ Вечеру, а потомъ и самого себя. Какъ бы то ни было, но это происшествіе, которому не имѣется подобнаго во всей исторіи, остается неразрѣшеннымъ, по крайней мѣрѣ для публики.

Воспоминанія 1889 года носятъ такимъ образомъ какъ бы характеръ нѣкотораго синодика. За исключеніемъ перечисленныхъ печальныхъ моментовъ остается упомянуть въ этомъ году только о двухъ происшествіяхъ другого рода, а именно: о пріѣздѣ въ Петербургъ Персидскаго шаха и о состоявшемся въ этомъ году юбилеѣ Рубинштейна.

Персидскому шаху былъ устроенъ торжественный приѣмъ и между прочимъ въ Маринскомъ театрѣ spectacle galà. Зала театра, наполненная элегантными туалетами дамъ и блестящими мундирами кавалеровъ, представляла очень эффектное зрѣлище, особенно въ тотъ моментъ, когда при входѣ царской фамиліи всѣ зрители встали. Въ галлереяхъ и въ фойѣ были устроены роскошные буфеты. Я упоминаю объ этомъ представленіи потому, что это было послѣднее подобное представленіе.

19-го ноября былъ день юбилей А. Гр. Рубинштейна. Въ этотъ день утромъ состоялся концертъ, затѣмъ торжественный обѣдъ по подпискѣ у Демута, во время котораго юбиляру подносились адреса, говорились поздравительныя рѣчи и т. п. при общемъ энтузіазмѣ присутствовавшихъ, такъ какъ Антонъ Григорьевичъ пользовался всеобщей любовью. На слѣдующій день въ Дворянскомъ собраніи вечеромъ давалась его ораторія „Der Thurm zu Babel“, а 22 числа въ Маринскомъ театрѣ давали его оперу, кажется „Демона“, сколько помню. Такимъ образомъ чествованіе юбиляра продолжалось три дня.

1890.

Въ началѣ года ко мнѣ зашелъ графъ Н. Д. Татищевъ и, сообщивъ мнѣ, что устраивается опека по дѣламъ его покойнаго брата Сергѣя Дмитриевича, просилъ меня принять въ ней участіе въ качествѣ предсѣдателя. Зная, что дѣла покойнаго были крайне разстроены, и не надѣясь достигнуть сколько-нибудь удовлетворительнаго результата, я сначала рѣшительно отказался отъ принятія на себя этой трудной задачи, но затѣмъ, вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ лицъ, близкихъ къ покойному, и въ виду утвержденія, что въ случаѣ моего отказа дѣло вообще не состоится, пришлось окончательно согласиться. Всѣ трудности дѣла, которыя я предвидѣлъ, вполнѣ проявились въ дѣйствительности. Въ теченіе около двухъ лѣтъ пришлось положить не мало труда и заботъ на это дѣло—входить въ переговоры со всѣми кредиторами, выторговывать у нихъ уступки, такъ какъ большинство долговъ было сильно раздуто, закладывать имѣніе въ Дворянскомъ Банкѣ и т. д. Все это, повторяю, вызывало не мало труда и заботъ—но за то удалось ликвидировать дѣло довольно удовлетворительно. За вдовою графа осталось по крайней мѣрѣ ихъ родовое имѣніе село Ретени, хотя и обремененное значительнымъ долгомъ Дворянскому Банку.

Много времени было также положено въ этомъ году на засѣданія Тарифной Комиссіи, которая была учреждена для пересмотра

нашего таможенного тарифа съ цѣлью еще большаго его поднятія. При этомъ имѣлось въ виду не только усиленіе покровительства нашей отечественной промышленности, которая и безъ того уже охранялась достаточно высокимъ тарифомъ, но и достиженіе благоприятнаго торговаго баланса, уменьшеніемъ вообще привоза къ намъ изъ-за границы товаровъ. Почти по всѣмъ вопросамъ я подавалъ въ этой комиссіи голосъ съ меньшинствомъ, потому что я не считалъ благоразумнымъ поднимать чрезмѣрно тарифную охрану. Такая политика вызывала до извѣстной степени справедливыя жалобы сельскихъ хозяевъ, что ихъ интересы приносятъ въ жертву интересамъ нашей фабричной промышленности.

Въ этомъ же году праздновался юбилей М. Х. Рейтерна. По этому случаю онъ былъ произведенъ въ графское достоинство. Утромъ этого дня у него состоялся поздравительный пріемъ членовъ Государственнаго Совѣта и другихъ его почитателей. Печально было смотрѣть на юбиляра, который въ это время уже почти совершенно ослѣпъ и вообще представлялъ видъ совершенно больного и отжившаго человѣка. При его видѣ какъ-то особенно ярко возникала мысль о суетности всѣхъ житейскихъ благъ этой жизни. Вотъ человѣкъ, жизнь котораго ознаменовалась обширною и вліятельною государственною дѣятельностью, человѣкъ, достигшій высшихъ почестей—и все это уже не имѣло для него почти никакого значенія, потому что его жизнь приходила къ концу, подъ вліяніемъ тяжкаго недуга.—Когда за тѣмъ въ іюлѣ того же года я посѣтилъ его по дѣламъ въ Царскомъ Селѣ, я былъ пораженъ его слабостью, а 15 августа пришлось опять ѣхать въ Царское Село на его погребеніе.

Зимою въ Петербургъ пріѣхала Мейнингенская труппа и давала рядъ интересныхъ представленій, которыя я посѣщалъ съ большимъ интересомъ. Мейнингенская труппа, пользовавшаяся въ то время заслуженною и выдающеюся репутаціей, носила названіе Мейнингенской, потому что она образовалась при особенномъ покровительствѣ Мейнингенскаго герцога, имѣвшаго страсть къ театру. Благодаря его стараніямъ представленія придворной Мейнингенской труппы были доведены до высокой степени совершенства. Мейнингенскія представленія отличались не только превосходной игрой актеровъ, но и необыкновенно артистической постановкой. Декораціи, костюмы и вся обстановка отличалась замѣчательною историческою точностью,—такъ что зрители всецѣло переносились въ ту эпоху и въ ту среду, въ которой совершалось происшествіе, представляемое на сценѣ. Помню, какъ превосходно давались Валенштейнъ, Юлій Цезарь, die Hermansschlacht. Въ послѣдней пьесѣ, представлявшей

борьбу между римлянами и тевтонами, отдѣльныя сцены мастерски воспроизводили тогдашній бытъ, какъ тѣхъ, такъ и другихъ, и между прочимъ контрастъ между изнѣженными и элегантными римлянами, дошедшими до послѣдняго слова цивилизаціи того времени и грубыми, но полными живой силы германцами.

Лѣтомъ И. А. Вышнеградскій отправился на наши восточныя окраины для личнаго ознакомленія съ положеніемъ нашихъ степныхъ областей и для изученія вопроса—что могло бы быть сдѣлано для дальнѣйшаго развитія хлопковой культуры въ нашихъ Туркестанскихъ владѣніяхъ; развитіе этой важной промышленности могло со временемъ освободить насъ отъ необходимости привоза иностраннаго хлопка и тѣмъ въ нѣкоторой степени возмѣститъ тѣ жертвы, которыя несло Государственное Казначейство, на содержаніе нашихъ средне-азіатскихъ приобрѣтеній. Управленіе министерствомъ, въ отсутствіи Вышнеградскаго, было возложено на меня.

Во время нашей обычной лѣтней виллежіатуры въ Старожилковѣ, мы часто видѣлись съ С. О. Макаровымъ и его супругой, которые жили по сосѣдству съ нами; могъ ли я тогда предвидѣть, какою трагическою смертью ему суждено умереть.

Описывая наше пребываніе съ покойной женой на берегахъ Женевского озера, я упоминалъ объ американскомъ семействѣ Вилльямсѣ, съ которымъ мы тамъ познакомились и подружились. Совершенно неожиданно для меня Вилльямсѣ съ дочерью пріѣхали въ этомъ году въ Петербургъ и, разумѣется, посѣтили насъ на дачѣ. Встрѣча съ ними, послѣ столькихъ лѣтъ, меня очень обрадовала. Когда мы жили въ гостиницѣ „Байронъ“, около Montreux, дочь Вилльямса, Miss May была еще маленькою дѣвочкою, а теперь это была уже вполне взрослая и очень милая и умная барышня. Въ разговорахъ съ нею я былъ пораженъ ея знакомствомъ съ нѣмецкою и англійскою литературой, котораго у американки я никакъ не ожидалъ встрѣтить.

Вилльямсѣ былъ заинтересованъ въ дѣлѣ котиковыхъ промысловъ. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ американской компаніи, которая нѣсколько лѣтъ сряду арендовала у насъ эти промыслы, ведя дѣло порядочно и аккуратно. Срокъ контракта кончался, и возникалъ вопросъ о его продолженіи. Хотя предложенія, которыя дѣлала намъ американская компанія, были совершенно выгодны для русскаго правительства, но американцамъ возникъ конкуррентъ въ лицѣ мѣховщика Гринвальда, предложенія котораго стали отстаивать извѣстный дѣлецъ Суцовъ. Былъ пущенъ въ ходъ вопросъ о національности, о патриотизмѣ, утверждали, что такое выгодное дѣло нельзя оставлять въ рукахъ иностранцевъ, а

слѣдуетъ передать русскимъ, и окончательно американцамъ было отказано въ продолженіи контракта, и новый контрактъ былъ заключенъ съ русскимъ, т. е. евреемъ Гринвальдомъ. По поводу предложеній послѣдняго, предсказывали, что онъ совершенно не въ состояніи вести это дѣло, которое требуетъ большой подготовки на мѣстѣ и предварительнаго устройства разныхъ сооружений, и что вѣроятно дѣло кончится тѣмъ, что Гринвальдъ переуступитъ свой контрактъ тѣмъ же американцамъ за извѣстное вознагражденіе; несмотря на всѣ опроверженія съ его стороны, кажется, именно тѣмъ и кончилось.

Вышнеградскій вернулся изъ своей поѣздки только въ началѣ октября, а потому намъ пришлось въ этомъ году гораздо позже обыкновеннаго отправиться на наше осеннее пребываніе въ Крыму.

Въ декабрѣ скончался въ Парижѣ герцогъ Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій, мой бывшій ученикъ. По полученіи этого печальнаго извѣстія я зашелъ къ графинѣ А. А. Толстой, близко знавшей покойнаго, желая обмѣняться съ ней мыслями по этому печальному случаю. У нея я засталъ князя К. А. Горчакова, бывшаго друга Николая Максимиліановича, который пришелъ къ ней подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ. Мы долго, долго бесѣдовали о покойномъ герцогѣ, котораго мы всѣ любили, и о которомъ мы всѣ сожалѣли. Какъ по своимъ нравственнымъ и умственнымъ качествамъ, такъ и по своему положенію онъ могъ бы принести не мало пользы своему отечеству; вмѣсто того ему пришлось влачить жизнь безъ всякой опредѣленной дѣятельности.

Съ графиней Александрой Андреевной Толстой я познакомился у ея пріятельницы графини Анны Егор. Комаровской, съ которой я былъ близко знакомъ, и у которой я часто бывалъ по вечерамъ. На этихъ вечерахъ у нея нерѣдко происходили разные чтенія, на которыхъ присутствовалъ обыкновенно Вел. Кн. Константинъ Константиновичъ съ супругой, такъ какъ Анна Егоровна была гофмейстериной его матери и жила въ Мраморномъ дворцѣ.

Графиня Александра Андреевна Толстая была одна изъ самыхъ замѣчательныхъ женщинъ своего времени. По ея уму, сильному характеру и искренне религіозному настроенію духа, при замѣчательной широтѣ воззрѣній, она представляла рѣдкое явленіе въ нашемъ обществѣ. Ив. Захарьинъ (Якунинъ), помѣстившій въ „Вѣстникѣ Европы“ (1904 — 1905) свои о ней воспоминанія, очень вѣрно характеризуетъ эту замѣчательную личность слѣдующими словами, описавъ нѣкоторые факты изъ ея жизни: „это только немногія

черты изъ жизни этой замѣчательной русской женщины минувшаго вѣка, такъ высоко стоявшей и умѣвшей сохранить на этой высотѣ всѣ лучшія духовныя стороны человѣка: выдающійся умъ, разно-стороннее образованіе и солидную эрудицію; все это у нея соединялось съ неизмѣнною привѣтливостью, безконечною добротою сердца и чуткой отзывчивостью на всѣ скорби родины“, и прибавляю, съ искреннимъ глубокимъ христіанскимъ настроеніемъ.

Графиня Ал. Андреевна, сестра бывшаго министра вн. дѣлъ Дмитрія Андреевича Толстого, родившаяся въ 1817 г., находилась постоянно при дворѣ въ качествѣ фрейлины, а затѣмъ камеръ-фрейлины. Она знала Государя Александра Александровича еще въ дѣтствѣ и потому всегда пользовалась особымъ его расположеніемъ. Состоя наставницей-воспитательницей его сестры Маріи Александровны, она оставалась всю жизнь въ перепискѣ съ послѣднею послѣ ея выхода въ замужество, принимая постоянно участіе въ ея семейной жизни.

Графиня А. А. читала, можно сказать, все, что выходило изъ выдающихся сочиненій и потому разговоръ съ нею всегда былъ интересенъ и даже поучителенъ. Она сама нѣсколько занималась литературой. Захарьинъ говоритъ о ея мемуарахъ и разсказахъ о жизни русскаго двора — до сихъ поръ не изданныхъ, которые должны содержать богатый матеріалъ этого времени. Со мною она никогда не говорила о своихъ мемуарахъ. Кромѣ того она писала повѣсти на французскомъ языкѣ, но самый замѣчательный ея трудъ—это ея отвѣтъ на книгу княгини Юрьевской.

Меня съ нею сблизили разные религіозные вопросы, она относилась съ интересомъ къ моимъ статьямъ въ этой области, такъ что на этой почвѣ открывался широкій просторъ для бесѣдъ. Но наши разговоры не ограничивались сужденіями по этому предмету. Она разсказывала мнѣ разные факты изъ ея жизни, изъ ея отношеній ко двору и къ ея прежней воспитанницѣ герцогинѣ Кобургской; но особенно меня интересовали наши разговоры о ея родственникѣ графѣ Л. Н. Толстомъ. Къ уклоненію отъ христіанства графа Льва Николаевича она относилась съ глубокимъ сожалѣніемъ. Его настойчивость въ сохраненіи извѣстнаго направленія она приписывала отчасти его крайнему самоиѣнію. У нихъ иногда происходили дебаты по этому предмету, и послѣ одного изъ такихъ разговоровъ у нихъ произошла даже временная размолвка, сгладившаяся однако въ послѣдніе годы ея жизни. Я съ нею оставался въ сношеніяхъ почти до конца ея жизни, посѣщая ее отъ времени до времени (она занимала во дворцѣ тѣ самыя комнаты, которыя занималъ Вел. Кн. Александръ Александровичъ, будучи наслѣдникомъ,

и въ которыхъ я ему читалъ лекціи), и всегда выносилъ теплое и глубокое настроеніе изъ бесѣдъ съ нею. Только въ послѣдній годъ передъ ея смертью мнѣ не пришлось уже съ нею видѣться, потому что по случаю ея болѣзни ее уже рѣдко можно было видѣть.

Въ этомъ же году я имѣлъ случай познакомиться съ преосвященнымъ Антоніемъ, на обѣдѣ у графа Апраксина. Онъ произвелъ на меня чрезвычайно симпатичное впечатлѣніе — человѣка умнаго, добраго, съ большимъ достоинствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ отзывчиваго на интересы собесѣдника.

1891.

Финансовая смѣта на 1891 годъ оказалась въ высшей степени благопріятною; не только не предвидѣлось дефицита, но даже оказывался избытокъ поступленія. По случаю столь счастливаго результата четырехлѣтнихъ стараній Министра Финансовъ, А. А. Абаза, который былъ тогда предсѣдателемъ Департамента Государственной Экономіи, устроилъ у себя домашній обѣдъ въ честь Ивана Алексѣевича, на которомъ и я присутствовалъ. Всѣ поздравляли Вышнеградскаго, за бокаломъ шампанскаго, съ достигнутымъ возстановленіемъ нашего финансоваго положенія, всѣ были въ самомъ пріятномъ настроеніи духа, всѣ собесѣдники находились подъ впечатлѣніемъ, что—это начало новой эры финансоваго благополучія. А между тѣмъ, какъ я уже выше о томъ упоминалъ, суждено было случиться прямо противоположному. Съ этого момента, по крайней мѣрѣ въ судьбѣ Вышнеградскаго, начался поворотъ въ обратную сторону; одно за другимъ послѣдовали: неурожай, болѣзнь Вышнеградскаго, оставленіе имъ министерства и его кончина.

Такого неурожая, какъ въ 1891 году, Россія давно не испытывала; не только хлѣбъ не уродился въ большей части Россіи, но и травы засохли, такъ что не хватало корма для скота. Лошадей и коровъ пришлось продавать на убой, ихъ отдавали за стоимость одной шкуры. За какіе-нибудь семь рублей можно было купить корову или лошадь. Народное бѣдствіе, потребовавшее многомилліоннаго пособія изъ Государственнаго Казначейства на прокормленіе голодающихъ, глубоко отозвалось на благосостояніи народа. Хотя хорошіе урожая послѣдующихъ годовъ и помогли нѣсколько крестьянамъ оправиться, но пришлось вновь заводить скотомъ, поправлять разстроенное хозяйство и т. п. Къ тому же, въ противность мнѣнію Вышнеградскаго, Комитетъ Министровъ рѣшилъ пріостановить вывозъ хлѣба изъ Россіи. Несчастливая мысль нисколько не облегчила снабженіе хлѣбомъ неурожайныхъ мѣстностей, а между тѣмъ губительно отозвалась на нашей внѣшней торговлѣ и на на-

шемъ торговомъ балансѣ. Одинъ этотъ годъ отбросилъ насъ опять далеко назадъ.

Несмотря на надвигавшееся бѣдствіе, которое впрочемъ до весны еще нельзя было и предвидѣть,—теченіе нашей общественной жизни шло своимъ обычнымъ чередомъ. Въ началѣ зимы въ Петербургъ пріѣхала знаменитая пѣвица Мельба, и весь Петербургъ ею восхищался. Я ее слышалъ между прочимъ въ одной изъ главныхъ ея ролей, въ оперѣ „Ромео и Жульетта“. Мельба, какъ извѣстно, была въ связи съ принцемъ Наполеономъ, который повсюду сопровождалъ ее въ ея *tournée d'artiste*. Онъ съ нею пріѣхалъ и въ Петербургъ, и каждый вечеръ, когда она играла, его можно было видѣть въ первомъ ряду кресель.

Говоря объ итальянской оперѣ, какъ-то естественно вспоминаешь первыя ея зачатки у насъ въ сороковыхъ годахъ; — эти первые годы были вмѣстѣ съ тѣмъ самыми блестящими. Такого *ensemble* первоклассныхъ артистовъ — Віардо-Гарція, Рубини, Тамбурини—наша итальянская опера впоследствии уже не видала. Были отдѣльныя выдающіяся личности—Бозіо, Маріо, Тамберликъ, Мазини, но такой совокупности выдающихся талантовъ мы уже болѣе не видѣли на сценѣ. Рубини отличался вмѣстѣ съ тѣмъ удивительной игрой, я помню еще его въ драматической его роли въ „*Lucie de Lamemtoog*“, въ которой онъ достигалъ высшей степени драматичности.

Сороковые годы были вообще у насъ эпохой развитія драматическаго искусства, не только на итальянской, но и на русской сценѣ—Самойловъ, Максимовъ, Мартыновъ, Сосницкій, Бурдинъ — остаются незабытыми. То же можно сказать и о французскомъ театрѣ сороковыхъ годовъ. Bressan, Berton, Louisa Mayer — составляли славу нашего Михайловскаго театра, со сцены котораго артисты переходили даже на сцену *Comédie Française*, какъ напр. Bressan. Итальянская опера была тогда Императорскою оперою, и обходилась очень дорого Министерству Двора; несмотря на высокія цѣны ложъ и кресель, расходъ на нее не окупался. Вотъ почему впоследствии содержаніе Императорской оперы прекратилось. Одновременно съ этимъ прекратилось и содержаніе нѣмецкаго Императорскаго театра, хотя нѣмецкій театръ былъ почти единственнымъ театромъ, который хорошо окупался, но подъ вліяніемъ господствовавшаго тогда кваснаго патріотизма, было признано неумѣстнымъ содержать нѣмецкую труппу на казенныя деньги.

По поводу лѣтняго препровожденія времени, считаю не безынтереснымъ сказать нѣсколько словъ объ экскурсіи въ пограничную финляндскую мѣстность „Лиственичное“, потому что эта мѣстность

имѣть историческое значеніе, о которомъ очень не многіе знаютъ. Верстахъ въ десяти отъ станціи Терріоки, на берегу рѣчки, кажется, „Черной“, находится замѣчательный и необыкновенно красивый лѣсъ изъ породы лиственныхъ деревъ. Высокіе прямые стволы этого красиваго дерева, расположенные почти правильными рядами, дѣлаютъ впечатлѣніе какой-то естественной величественной колоннады, какого-то грандіознаго сооруженія. По сосѣдству въ той мѣстности нигдѣ болѣе такихъ лѣсовъ не существуетъ, хотя лиственница изрѣдка и попадается. Оказывается, что лиственничный лѣсъ былъ разведенъ на этомъ мѣстѣ по приказанію Петра Великаго (какъ идетъ молва), который заботился о заготовленіи запаса мачтоваго лѣса, для потребностей сооружавшагося имъ флота. Этотъ лѣсъ, по видимому, заботливо сохраняется, ибо я не видалъ въ немъ ни одной порубки. Онъ представляетъ чудную и величественную картину.

Подъ вліяніемъ воспоминаній, вынесенныхъ изъ первой моей поѣздки на Кавказъ, я рѣшился въ этомъ году вновь посѣтить эту грандіозную мѣстность, вмѣстѣ съ сестрами, и пригласилъ кромѣ того съ собою двухъ пріятелей В. П. Лобойкова и И. Ф. Цюнглинскаго.

Лобойковъ—племянникъ покойнаго И. А. Вышнеградскаго; я познакомился съ нимъ однако не въ Петербургѣ, а въ Ялтѣ; гдѣ онъ проводилъ лѣто одновременно съ нами. Человѣкъ умный и пріятный, съ большимъ тактомъ, онъ скоро пріобрѣлъ наши симпатіи и сдѣлался близкимъ другомъ нашего семейства и постояннымъ нашимъ посѣтителемъ. Въ настоящее время онъ состоитъ секретаремъ Академіи Художествъ, куда онъ поступилъ вслѣдъ за назначеніемъ графа И. И. Толстого (съ которымъ онъ очень дружилъ) вице-президентомъ Академіи.

И. Ф. Цюнглинскій, живописецъ, пользующійся въ настоящее время большою извѣстностью, человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени умный и образованный. Прежде чѣмъ сдѣлаться художникомъ, онъ окончилъ курсъ по медицинскому факультету въ Варшавскомъ университетѣ. Онъ давалъ уроки живописи моей младшей сестрѣ и вскорѣ близко подружился со всѣми нами. Его этюды и картины, привезенные имъ изъ своихъ путешествій по Испаніи, Марокко, Іерусалиму и Египту, обращаютъ на себя вниманіе особенно тонкостью и живостью колорита. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ замѣчательный портретистъ. Обладая выходящимъ изъ ряда вонъ талантомъ, онъ принадлежитъ къ новой школѣ *plen'air'a* и пользуется заслуженною извѣстностью въ рядахъ первыхъ нашихъ живописцевъ.

Въ Петербургѣ скончалась наша добрая тетушка Екатерина Федоровна Фольбортъ, сестра моей покойной тетушки. Е. Ф. была

добрая и благожелательная старушка, сохранившая до старости всю свою воспримчивость и всегда сохранявшая ровное расположение духа. Она была предана намъ до глубины сердца и дѣлила съ нами всѣ радости и печали. Смерть ея вызвала печальную пустоту въ нашемъ семействѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы порвалось послѣднее звено, связывавшее насъ съ покойной матушкой. Со смертью тетуски никого изъ старшаго поколѣнія нашихъ родственниковъ уже не оставалось въ живыхъ. Сознаніе, что окончила земное существованіе личность, которая была связана съ нами такою живою, глубокою и истинною родственною любовью, которой мы уже ни отъ кого болѣе ожидать не можемъ, естественно вызывало чрезвычайно грустное настроеніе въ нашей семьѣ.

Вѣра въ загробное существованіе часто колеблется сомнѣніями вслѣдствіе невозможности составить себѣ какое-либо представленіе о существованіи души, отрѣшенной отъ тѣла, въ неизвѣстномъ пространствѣ. Но въ моментъ душевнаго потрясенія, любовь является сильнѣе вѣры, заявляя безусловную потребность соединиться вновь когда-либо и гдѣ-либо съ тѣми, съ которыми насъ на землѣ связывали теплыя чувства привязанности.

Коснувшись этого предмета, не могу не сказать, что отъ времени до времени до меня доходили отзывы объ интересѣ, возбуждаемомъ моими религіозными сочиненіями, что мнѣ всегда доставляло большое удовлетвореніе,—такъ, между прочимъ, и по пріѣздѣ въ Петербургъ разъ на обѣдѣ у графини Апраксиной, она говорила мнѣ, что ихъ священникъ рекомендовалъ ея дочерямъ чтеніе моего перевода Ессе Ното.

(Продолженіе слѣдуетъ).

